

C-89

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шкафы	XXVII	XXII	Соч.
Толка	2	7	3
№	28.	33	14

+

C-19

+

98-5

+

8224

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ
ВЪ УКРАИНСКОЙ
НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Р. Румцова.

Дни. Гос. Ун-т
 Научная
 Библиотека им.
 Горького

Издание редакци „Кіевской Старины“.

БИБЛИОТЕКА
 О-ва для достав. средствъ
 В. Ж. КУРСАМЪ.

1027 / 1886

КІЕВЪ.

Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

1886.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 101

PHYSICS 101
O-100-100-100
PHYSICS 101

1951

1951

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Въ статьѣ о малорусской географической номенклатурѣ (Кіевск. Стар. 1886 г., т. VII и отд. оттиски) я сдѣлалъ общій обзоръ мѣстныхъ собственныхъ именъ въ этнографическихъ предѣлахъ малорусскаго народа, приче́мъ на ряду съ мѣстными названіями, которыя даны крестьянами, шли мѣстныя же названія, возникшія по произволу землевладѣльцевъ изъ дворянъ, и на ряду съ собственно малорусскими мѣстными названіями шли возникшія на южнорусской почвѣ названія татарскія, румынскія, нѣмецкія¹⁾. Въ итогѣ получилась довольно пестрая смѣсь собственныхъ именъ разнообразнаго происхожденія, указывающая на весьма разнообразное движеніе южнорусской жизни въ древнее время.

Въ предлагаемой вниманію читателя статьѣ я ограничиваюсь одной стороною предмета, не затронутой мною въ статьѣ о географической номенклатурѣ, именно географическими свѣдѣніями южнорусскаго народа, на сколько они выразились въ его словесно-поэтическомъ творчествѣ. Не задаваясь широкими цѣлями, я оставляю въ сторонѣ много интересныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ предметомъ, подлежащимъ изслѣдованію, напримѣръ, вопросы о томъ, какими путями южнорусскій народъ пріобрѣталъ географическія свѣдѣнія въ старинное время, что взято изъ школы и письменности, что взято изъ устныхъ разсказовъ бывалыхъ людей, ко-

¹⁾ Кстати, здѣсь укажемъ на одну случайную перестановку словъ въ статьѣ о географич. номенклатурѣ; на стр. 459 сказано: (Покутье) „между Днѣстромъ на западъ и Карпатами на востокъ“. Нужно: между Днѣстромъ на востокъ и Карпатами на западъ.—Н. С.

заковъ и странниковъ-богомольцевъ, какъ вообще великъ былъ запасъ географическихъ свѣдѣній южнорусскаго народа, судя по даннымъ матеріаламъ, письменнымъ и устнымъ. Желательно опредѣлить ту часть географическихъ свѣдѣній, которая составляла нѣкогда достояніе всего народа, безъ различія сословій, и была закрѣплена въ думахъ и пѣсняхъ; при этомъ желательно установить связь основныхъ географическихъ свѣдѣній народа со всѣмъ складомъ его исторіи и быта.

Значительнымъ различіемъ великорусскихъ былинъ и малорусскихъ историческихъ пѣсень по времени ихъ возникновенія обусловливается ихъ крупное различіе относительно географической терминологіи. Великорусская былина превосходитъ малорусскія думы по древности. Какъ извѣстно, въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, впервые высказанное въ 1863 г. Л. Н. Михайловымъ, что содержаніе былинъ Владимірова цикла вырабатывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, т. е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, а установилось не позже времени татарскаго владычества и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, вѣка XIII и XIV¹⁾. Недавно вышедшее, интересное во многихъ отношеніяхъ сочиненіе М. Е. Халанскаго «Великорусскія былинны кіевскаго цикла» указываетъ на необходимость нѣсколько ограничить это мнѣніе, расширивъ значеніе московскаго періода русской исторіи въ созданіи и развитіи былевой поэзіи. При всемъ томъ, на основаніи представленныхъ М. Е. Халанскимъ фактовъ и соображеній, нельзя еще согласиться съ авторомъ, что «Москва, собирательница русской земли, явилась и собирательницей русскаго эпоса, и московскимъ пѣтарямъ принадлежитъ уже какъ дальнѣйшее развитіе русскаго эпоса, такъ и централизація его въ кіевскій кругъ»²⁾. Уже изъ одного того обстоятельства, что центральная, вполне московская Россія почти совсѣмъ не сохранила былинъ, въ то время, какъ остатки былевой поэзіи сохранились въ Руси нов-

¹⁾ Л. Майковъ, О былинахъ влад. цикла, стр. 24—27.

²⁾ М. Халанскій, Великор. былинны кіевск. цикла, стр. 213.

городской и въ Руси суздальской, говорить не въ пользу Москвы. Мнѣніе о древнемъ происхожденіи и развитіи русскаго эпоса остается непоколебленнымъ, и, между прочимъ, мнѣніе это подтверждается древнимъ характеромъ былевой географической номенклатуры, неопредѣленной, неточной, расплывчивой, большею частью фантастической. Нѣтъ сомнѣнія, что простой русскій народъ имѣетъ много точныхъ и обстоятельныхъ географическихъ свѣдѣній. Мало-ли куда ни забирался русскій солдатъ, русскій мастеровой, русскій странникъ-богомолецъ. Однако, точныя его свѣдѣнія не попали въ глубоко древнюю былинку и вообще не выразились въ его словесно-поэтическомъ творчествѣ. за исключеніемъ только свѣдѣній о славныхъ во всемъ христіанскомъ мірѣ Іерусалимѣ и Царградѣ. Въ былинахъ находятся или мало понятныя географическія названія, требующія объясненія, или даже вполнѣ фантастическія. Къ числу первыхъ относятся Литва и Литавъ хоробрая, некрещеная, поганая, царство Литвинское, королевство Политовское, Ляховинское, Ляховецкое, Карела поганая или богатая, Чудь бѣлоглазая, земля Веденецкая съ городомъ Леденцомъ, царство Сарацинское или Сорочинское, гдѣ живетъ Сорочина долгополая; орды невѣрныя, немирныя, дальнія, темныя, великія, — Большая, Золотая, населенная татарами, улановыми, Индія богатая, Агаряне. Все это названія извѣстныхъ странъ и народовъ, очевидно, подвергшіяся сильному обобщенію и расшитыя фантастическими узорами. Далѣе идутъ совершенно темныя географическія названія: земля Гленская (англійская?), улусы загорскія, Могозея, земля и орда Заоданская, царство Альберское¹⁾. Ня ряду съ дѣйствительными рѣками Дунаемъ, Дономъ, Днѣпромъ, Волгой, Камой идутъ фантастическія рѣки Израй, Сафать, Пучай, Смородина, Нѣпра, а въ числѣ горъ Сорочинскія, Сіонскія, Палачъ гора, Скатъ гора. Вообще, всѣ географическія названія, даже такія реальныя, какъ Брянскіе лѣса, Кіевъ, Днѣпръ, облечены таинственностью, туманомъ, вполнѣ или отчасти потеряли реальное свое значеніе и стали обозначать вообще темный, дремучій лѣсъ, отдаленный священный или богатый городъ, далекую и глубокую рѣку. Съ литературной точки зрѣнія эта географическая таинственность имѣетъ свою цѣль-

¹⁾ Л. Майковъ, О былинахъ, стр. 43—44.

ность: она содѣйствуетъ поэтическому полету фантазіи и даетъ извѣстный разгонъ для мысли.

Можно сказать, съ каждымъ десятилѣтіемъ укрѣпляется убѣжденіе въ существованіи древняго, южно-русскаго до-козацкаго эпоса. П. А. Кулишъ въ пятидесятыхъ годахъ, И. В. Ягичъ въ семидесятыхъ годахъ, высказывали мнѣніе, что богатое развитіе южно-русскаго эпоса въ XVII ст. предполагаетъ существованіе эпоса наклонности къ эпическому творчеству въ болѣе старое время. М. Е. Халанскій замѣчаетъ, что древній южно-русскій эпосъ органически примкнулъ къ новѣйшему, козацкому. Какъ извѣстно, древній южно-русскій эпосъ теперь до нѣкоторой степени возстановляется путемъ научнаго анализа малорусскихъ пѣсенъ, преимущественно колядокъ. Наиболѣе крупными научными работами въ этомъ направленіи представляются «Истор. пѣсни малор. народа» В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова и статьи Н. И. Костомарова о малорусской исторической поэзіи въ Вѣстникѣ Европы и въ Русской Мысли. При всемъ томъ, удалось болѣе возбудить вопросовъ и сомнѣній, чѣмъ установить несомнѣнно вѣрные факты до-козацкаго эпоса; относимое къ древнему южно-русскому эпосу крайне незначительно въ количественномъ отношеніи и въ значительной части еще подлежитъ критической провѣркѣ. Какъ-бы то ни было, древній южно-русскій эпосъ ускользаетъ отъ изученія относительно географической терминологіи. Какія географическія свѣдѣнія выразились въ до-козацкомъ эпосѣ и что наслѣдовали въ этомъ отношеніи отъ древняго эпоса малорусскія думы и пѣсни козацкаго періода южнорусской исторіи,—на эти вопросы трудно отвѣтить. Съ значительной долей вѣроятія можно только утверждать, что Дунай, въ значеніи воды и рѣки вообще и въ частности въ значеніи извѣстной рѣки черноморскаго бассейна, и затѣмъ, быть можетъ, Черное море и Днѣпръ входили въ древнѣйшія малорусскія пѣсни и впоследствии вошли въ малорусскія думы и пѣсни XVII ст. и болѣе поздняго времени.

Строго говоря, малорусская народная поэзія начинается съ XVI ст. и замираетъ въ XVIII ст. Первое упоминаніе о малорусскихъ думахъ находится у польскаго историка Сарницкаго начала XVI ст. Древнѣйшей записанной малорусской пѣсней представляется пѣсня въ чешской граматикѣ Благослава конца XVI ст.

Чрезвычайной силы и выразительности малорусская поэзія достигаетъ въ XVII ст., и затѣмъ слѣдуетъ ослабленіе. крупное уже въ XVIII ст., что видно на историческихъ пѣсняхъ о Паліѣ, о службѣ козацкой на такъ называемыхъ «канавахъ» и на «линіи», и для всѣхъ очевидно въ XIX ст. Вообще, малорусская народная поэзія, въ особенности думы, возникла и развилась на виду положительной исторіи, и одной изъ наиболѣе характерныхъ ея особенностей представляется историческая точность и правдивость въ описаніи лицъ и событій, также относительно хронологическихъ и географическихъ данныхъ.

Не будетъ ошибкой къ малорусскимъ пѣснямъ приложить тотъ же широкій способъ раздѣленія на пѣсни мужескія и пѣсни женскія, какой авторитетными людьми науки, Я. Гримомъ и Миклошичемъ, приложенъ къ сербской поэзіи. Я. Гримъ усматривалъ даже въ сказкахъ различіе, обусловленное тѣмъ, сложена ли сказка мужчиной или женщиной¹⁾. Въ такомъ случаѣ въ разрядъ мужескихъ пѣсень войдутъ всѣ пѣсни историческія, колядки, многія любовныя и семейно-родственныя пѣсни, въ отдѣлъ пѣсень женскихъ значительное большинство любовныхъ пѣсень, веснянки, свадебныя пѣсни, всѣ колыбельныя пѣсни. Въ Галицкой Руси въ сочиненіи коломбекъ, шумокъ, чабарашекъ, талалаекъ оба пола принимали одинаково дѣятельное участіе. Мѣстныя собственныя имена встрѣчаются почти исключительно въ мужескихъ пѣсняхъ, преимущественно въ думахъ. Въ женскихъ пѣсняхъ изрѣдка встрѣчается Украина, обыкновенно разсматриваемая къ отношенію къ милому: милый уѣхалъ на Украину; милый изъ Украины шлетъ письма; милый тоскуетъ въ Украинѣ далекой и т. д. Очевидно, здѣсь обнаружилась разница въ объемѣ географическихъ свѣдѣній мужчины и женщины въ старинное время. Въ положеніи козака, чумака, купца, странника-богомольца мужчина предпринималъ болѣе или менѣе далекія путешествія и болѣе женщины знакомился съ чужими странами и съ своей родиной.

Относительно мѣстныхъ названій въ особенности заслуживаютъ вниманія колядки и историческія пѣсни. Здѣсь иногда встрѣчаются отзывы и характеристики странъ. Въ семейно-родствен-

¹⁾ Miklosich, Die serbische Epik, 5.

ныхъ пѣсняхъ встрѣнается почти исключительно Дунай. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ болѣе мѣстныхъ названій, чѣмъ въ пѣсняхъ малорусскихъ, что соотвѣтствуетъ общей краевой или мѣстной окраскѣ галицко-русскихъ пѣсень. Много мѣстныхъ названій находимъ въ галицкихъ коломыйкахъ. Напримѣръ:

Ой пиду я до Вербижа, або до Мышина ¹⁾.
 По надъ село Ивановецьке зацвѣли цвѣточки ²⁾.
 Ой на горѣ на Самборѣ камень муку меле ³⁾

Иногда къ мѣстному названію присоединяется краткая характеристика самой мѣстности:

Ой пиду я до Ланчина, Ланчинъ на долині,
 А Ланчиньска челядочка якъ листъ на калині ⁴⁾.
 На Рангурахъ нема лѣса, лише саме дубье ⁵⁾.

Нужно замѣтить, что мѣстныя названія довольно часто попадаются въ искусственныхъ галицко-русскихъ пѣсняхъ, принятыхъ мѣстами народомъ. Подобнаго рода пѣсень находится довольно много въ сборникѣ г. Головацкаго. Не трудно замѣтить искусственную краевую или мѣстную окраску въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, возникшихъ въ интеллигенціи и проникшихъ въ массу простаго народа, окраску, выражающуюся въ преувеличеніи значенія края, въ большой долѣ краеваго патриотизма; напримѣръ:

Всюды чудни красавицы,
 Пышни, якъ калина;
 Але надъ всѣхъ найчуднѣйше
 Робить Буковина.....
 Пріятеля знайдешъ всюды;
 Серце не загине;
 Але пріязнѣйши люде,
 Люде въ Буковинѣ ⁶⁾.

Если интеллигентный человекъ даетъ тенденціозную окраску извѣстной мѣстности въ идеальномъ стремленіи прославить ее или очернить, то простой народъ предлагаетъ въ пѣсняхъ прямо выду-

¹⁾ Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 249. ²⁾ Тамъ же, стр. 259. ³⁾ Тамъ же, стр. 265. ⁴⁾ Тамъ же, стр. 266. ⁵⁾ Тамъ же, стр. 334. ⁶⁾ Тамъ же, стр. 371.

маннѣя мѣстныя названія, только по требованіямъ исключительно формальнаго свойства, для соблюденія аллитераціи или рифмы; — такъ велико въ народномъ бытѣ формальное, виѣшнее значеніе поэзіи. Въ одной пѣснѣ для соблюденія аллитераціи вставлено вымышленное собственное имя Яришъ; въ думѣ про козака Голоту находимъ: «ой, долино—Ялино! скільки я на тоби гулявъ» (Ант. и Драг., 1, 171); въ бурлацкой пѣснѣ поется: «одна ричка—Копирочка въ Днипро упала» (Чубин., V. 1013).

Народная поэзія пользуется мѣстными названіями для усиленія даннаго выраженія. Цѣль усиленія мысли достигается въ такомъ случаѣ посредствомъ сравненія двухъ мѣстностей по величинѣ или путемъ приблизительнаго опредѣленія пространства между ними. Такой приѣмъ народной мысли въ особенности ясно выразился въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» и позднѣе проявился въ наиболѣе архаическихъ отдѣлахъ народной поэзіи, думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» находимъ слѣдующія примѣты усиленія мысли посредствомъ мѣстныхъ названій:

- 1) Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Киевѣ.
- 2) Трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ.
- 3) Дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Вльзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню.
- 4) Олегъ.... ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ Тьмуторканѣ; тоже звонъ (славы) слыша давный великій Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.
- 5) Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступи дѣвою въ землю Трояню, восплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у Дону плещучи.
- 6) А вѣстона бо, братіе, Киевъ тугою, а Черниговъ напастями, тоска разліяся по Руской земли.
- 7) Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.
- 8) Подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъчи, затворивъ Дунаю ворота,... суды ряда до Дуная,... отворяеша Киеву врата.....
- 9) Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславию, Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочыномъ....
- 10) Всеславъ.... скочи влькомъ до Немиги съ Дудутокъ

- 11) Всеславъ..... изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя....
 12) Тому въ Полотскѣ позвониша заугренюю рано у святыхъ Софеи, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.
 13) Игорь мыслию поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца.
 14) Донецъ рече: княже Игорю, не мало ти величія... Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя,.... князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ....
 15) Дѣвици поють на Дунаи, выются голося чресъ море до Кіева.

Въ «Словѣ» находится много другихъ мѣстныхъ названій, не заключающихъ въ себѣ усиленія мысли; въ приведенныхъ же примѣрахъ болѣе или менѣе отчетливо обнаруживается такое усиленіе. Подобнаго рода явленіе находимъ въ думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ; напримѣръ, въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами:

Слышенъ теперъ у насъ гетьманъ Хмельницький
 Якъ одъ Билои Церкви та до славнаго Запорожа ¹⁾.

Въ галицкой свадебной пѣснѣ, или ладканѣ:

Въ Львовѣ вѣнки вили,
 Въ Перемышли малѣвали ²⁾.

Въ галицкой веснянкѣ, или гаивкѣ чоботы кievской работы, куллены во Львовѣ, подкованы въ Краковѣ ³⁾. Въ колумыйкѣ:

Въ Старогвоздци загремило, въ Малогвоздци тихо,
 Ой веземо сорокъ дубовъ панови на лыхо ⁴⁾.

Въ галицко-русской рекрутской пѣснѣ:

Ой неволя, мати, неволя, неволя,
 Въ Коломыи стрижуть, до Черновець гонять ⁵⁾.

Въ малорусской пѣснѣ:

Отъ Дударивъ до Чернышивъ дорога розлога;
 Туда моя поихала любая розмова ⁶⁾.

¹⁾ Ант. и Драг., т. II, стр. 22. ²⁾ Гол., т. II, стр. 127. ³⁾ Тамъ-же, стр. 191
⁴⁾ Тамъ-же, стр. 374. ⁵⁾ Гол., т. I, стр. 137. ⁶⁾ Чуб., т. V, стр. 199.

Въ буковинской пѣснѣ: «надъ мѣстомъ Станиславомъ хмари се зибрали; надъ мѣстомъ Снятиномъ три громы загрѣмили, надъ селомъ Берегометевъ дрибненькій дожчикъ упавъ,—молодонькій зажурился» и пр. ¹⁾.

Въ мѣстныхъ названіяхъ украинской словесности обнаруживается стремленіе народной мысли къ ассимиляціи иноплеменныхъ названій и облеченіе ихъ въ понятныя украинскому народу формы. Такъ, Евпаторія таврической губерніи у крымскихъ татаръ называлась Геслеве; въ думѣ про Ивана Богуславца находимъ Кизлевъ ²⁾; въ Плачѣ козловская пристань ³⁾; вблизи днѣпровскаго лимана лежитъ островъ Тендеръ, неоднократно упоминаемый въ думахъ; въ одной пѣснѣ находимъ Тынъ-дерево; Мариуполь называется Марнополемъ.

Черное море.

Близкое знакомство русскаго народа въ древнее время съ Чернымъ моремъ и затѣмъ близкое знакомство малороссіянъ съ Чернымъ моремъ въ XVI—XVII ст. должно было такъ или иначе отразиться въ народной поэзіи. Въ великорусской поэзіи выступаетъ смутный призракъ окіана-моря, находящагося гдѣ-то далеко, за мейой матушки святой Руси. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ находится замѣчаніе, что

Посреди моря окіанскаго,
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента попа римскаго.

Изъ церковно-историческихъ преданій христіанства извѣстно, что св. Климентъ, папа римскій, сосланъ былъ изъ языческаго Рима въ Крымъ и здѣсь былъ утопленъ въ морѣ, близъ древняго греческаго города Херсонеса; затѣмъ, по восторжествованіи христіанства, утвердилось въ христіанскомъ мірѣ повсюдное вѣрованіе, что ежегодно, въ день памяти св. мученика, море въ Херсонесѣ отступало отъ берега, и во глубинѣ его обнажалась чудесно возникшая церковь, въ которой нетлѣнныя мощи святителя предста-

¹⁾ Лоначевск., стр. 203. ²⁾ Ант. и Драг., т. I, стр. 241. ³⁾ Тамъ-же, стр. 94.

влялись благоговѣйному поклоненію христіанъ. Св. просвѣтитель славянъ Кирилль, по преданію, взялъ изъ глубины морской мощи св. Климента и перенесъ ихъ къ славянамъ. По другому преданію Владиміръ послѣ крещенія своего въ Херсонесѣ перенесъ мощи св. Климента въ Кіевъ¹⁾. Такимъ образомъ, за океанъ-моремъ великорусскихъ пѣсенъ скрывается иногда Черное море.

Черное море, какъ наиболѣе извѣстное въ до-монгольской Руси, повидимому, считалось моремъ по преимуществу и называлось просто моремъ. По свидѣтельству древней лѣтописи Черное море въ древности слыло по преимуществу Русскимъ моремъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» Черное море нѣсколько разъ упоминается подъ словомъ море, безъ прилагательнаго чернѣй.

1) Черныя тучи съ моря идутъ.

2) Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами.

3) Половци идутъ отъ Дона и отъ моря. Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ собственно объ Азовскомъ морѣ, упоминаемомъ въ другомъ мѣстѣ «Слова» подъ названіемъ Лукоморья.

4) Въ морѣ погрузиста.

5) Прысну море полунощи.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, нужно думать, подразумѣвается Черное море вмѣстѣ съ Азовскимъ моремъ, что въ особенности ясно видно изъ слѣдующаго мѣста: «Дѣвици поютъ на Дунай, вьются голоси чресь море до Кіева».

Въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ малорусскихъ и великорусскихъ пѣсняхъ Черное море выступаетъ довольно часто подъ названіемъ Синяго моря. Довольно трудно опредѣлить, гдѣ слово синее является эпитетомъ моря вообще, и гдѣ оно нераздѣльно съ словомъ *море* составляетъ одно собственное имя. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» слово *синій* служитъ эпитетомъ моря и рѣки Дона. Сначала въ «Словѣ» о синемъ морѣ упоминается въ совершенно темной фразѣ:... «бѣша дѣбрь кисаню и несошло къ синему». Въ довольно ясномъ значеніи Чернаго моря синее море находится въ выраженіи. «Се бо готскія красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю». По видимому, простымъ эпитетомъ моря слово *синее* является въ

¹⁾ Надеждинъ, въ Русск. Бесѣдѣ 1857 г., т. VII. Смѣсь, стр. 9.

плачѣ Ярославны: «О вѣтре, вѣтрило!... мали ли ти башеть горѣ
подъ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синемъ морѣ».

Столь же неопредѣленное положеніе слово *синее* имѣеть въ
малорусской народной поэзіи, въ приложеніи къ морю. Несомнѣн-
но оно обозначаетъ Черное море въ слѣдующемъ мѣстѣ галицко-
русской колядки:

Ой, коню, коню, продамъ я тебе.—
Ой, пане, пане, погадай собѣ,
Коль я тя вынись зъ туркивь, татаривь...
Коль насъ нагнали зъ крута берега,
Зъ крута берега на тихій Дунай,
На тихій Дунай, на Сине море...¹⁾

Синее море встрѣчается въ разныхъ поэтическихъ мотивахъ.
Въ колядкѣ Богородица скрываетъ Спасителя въ синемъ морѣ отъ
жидовъ²⁾; въ свадебной пѣснѣ невѣста тонетъ въ синемъ морѣ;
отецъ, мать, братъ, сестра не могутъ ее спасти; спасаетъ ее ми-
лый³⁾. Подобнаго рода пѣсенный мотивъ чаще встрѣчается съ Ду-
наемъ. Козакъ ищетъ доли за синимъ моремъ⁴⁾; и этотъ мотивъ
чаще встрѣчается въ приложеніи къ Дунаю. Въ одной старинной
пѣснѣ о разрушеніи бурей турецкаго корабля «дощикъ накрапае,
та синего моря доповняе»⁵⁾.

Въ малорусскихъ думахъ XVI и XVII ст. довольно часто
упоминается Черное море, съ чертами очевидно личнаго съ нимъ
знакомства козаковъ. По показанію испанскаго священника Otavio
Sapientia отъ 1622 г. козаки изъ Запорожья, гдѣ въ его время на-
биралось до 30—40,000 человекъ, выставляли 200—300 чаекъ и
смѣло ѣздили по всему Черному морю; такъ, въ 1616 и 1617 г.
они нападали съ уснѣхомъ на Синопь, Кафу и Требизондъ. Въ
1621 г. турецкіе начальники наловили на Черномъ морѣ много ко-
заковъ. Въ 1624 г. козаки сдѣлали нападеніе на самый Босфоръ⁶⁾.
Знакомствомъ козаковъ съ черноморскими бурями обусловлено жи-
вописное ихъ описаніе въ думахъ. «На Чорному морю быстрая
хвиля встала⁷⁾, заноситъ козацкія чайки «въ дунайское гирло»,
вертитъ ихъ на «лихій хуртовини»⁸⁾. Потери на Черномъ морѣ

1) Голов., т. IV, стр. 44. 2) Тамъ-же, стр. 113. Тамъ-же, стр. 229. 4) Чуб.,
т. V, стр. 936. 5) Ант. и Драг., т. I, стр. 99. 6) Ант. и Драг., Историч. пѣсни
малор. нар., т. I, стр. 203. 7) Тамъ-же, стр. 89. 8) Тамъ-же, стр. 176.

вызывали отрицательное къ нему отношеніе народной мысли, что выразилось въ началѣ думы о взятіи козаками Варны:

Кляла царица, вельможна пани,
Черное море проклинала:
«Бодай же, море, не процвѣтало,
Вичными часы высыхало,
Та що мого сына единачка,
Единачка у себе взяло»¹⁾).

Вообще Черное море не занимаетъ въ малорусской народной поэзіи выдающагося мѣста. За исключеніемъ историческихъ пѣсень, оно встрѣчается рѣдко, упоминается мимоходомъ, безъ фактической характеристики и безъ поэтической обрисовки. Торговцы ничего не могли сообщить о Черномъ морѣ, потому что черноморская торговля находилась въ рукахъ грековъ и малороссіянъ только по доставкѣ пшеницы въ Хаджи-Бей и въ Бѣлгородъ, гдѣ ее забирали греки¹⁾, могли знакомиться съ черноморскимъ берегомъ. Странники-богомольцы, посѣщавшіе Аѳонъ и Палестину, также не могли внести въ народъ достаточныя свѣдѣнія о Черномъ морѣ, потому что предпринимали путешествія большею частью сухимъ путемъ, черезъ Румынію и Болгарію²⁾. Остаются одни козаки. Разказы козаковъ о морскихъ нападеніяхъ на турецкія области, о сопряженныхъ съ такими нападеніями опасностяхъ, о черноморскихъ буряхъ, о богатой добычѣ, выпадавшей на долю козаковъ послѣ благополучнаго набѣга,—все это плѣняло народное воображеніе и въ частности знакомило народныя массы съ Чернымъ моремъ, причѣмъ знакомство это очевидно было поверхностное и одностороннее.

Дунай.

Съ легкой руки Э. И. Буслаева, сдѣлавшаго небольшую замѣтку о народно-поэтическомъ значеніи Дуная въ южнорусской народной поэзіи⁴⁾, историко-поэтическое значеніе этой великой славянской рѣчки нѣсколько разъ подвергалось научному изслѣдованію. Н. И. Костомаровъ посвятилъ Дунаю нѣсколько страницъ въ статьѣ

¹⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 246; Голов., т. I, стр. 3. ²⁾ Jaroszewicz, Obraz Litwy, т. II, стр. 93—94. ³⁾ Еллицевъ, Съ русскими паломниками, стр. 13, 16. ⁴⁾ Буслаевъ, Историч. очерки рус. нар. слов., т. I, стр. 215.

о народныхъ преданіяхъ древней лѣтописи¹⁾. И. В. Ягичъ въ I т. «Archiv für Slav. Philol.» 1876 г. помѣстилъ обширное изслѣдованіе: «Дунавь—Дунай въ славянской народной поэзіи», причемъ главное мѣсто въ статьѣ отведено малорусской народной поэзіи, заключающей въ себѣ особенно много поэтическихъ обрисовокъ Дуная. Отсылая читателя къ изслѣдованію г. Ягича²⁾, я укажу лишь въ общихъ чертахъ содержаніе цѣлаго и затѣмъ остановлюсь на замѣчаніяхъ г. Ягича о малорусскомъ Дунаѣ, причемъ присоединю кое-гдѣ и новыя фактическія указанія:

«Уже давно, какъ замѣчательное явленіе, выдается то обстоятельство, говоритъ И. В. Ягичъ въ началѣ статьи, что въ славянской народной поэзіи р. Дунай пользуется такими преимуществами передъ другими рѣками, что нерѣдко является нарицательнымъ названіемъ рѣки вообще,... причемъ трудно разграничить примѣры, гдѣ Дунай упоминается въ специально-географическомъ смыслѣ, отъ тѣхъ, гдѣ онъ въ широкомъ обобщеніи выступаетъ въ значеніи рѣки вообще». Въ особенности часто Дунай упоминается въ народной поэзіи южно-славянской, панноно-славянской и малорусской. Чѣмъ далѣе удаляемся мы въ славянскомъ мірѣ въ периферіи отъ дѣйствительнаго Дуная, тѣмъ рѣже встрѣчается упоминаніе объ немъ. Такъ, въ чешскихъ пѣсняхъ онъ рѣже упоминается, чѣмъ въ моравскихъ и словацкихъ, а въ польскихъ еще рѣже, чѣмъ въ чешскихъ. Въ нынѣшней великорусской поэзіи, за исключеніемъ эпоса, Дунай встрѣчается рѣдко, между тѣмъ какъ въ бѣлорусской довольно часто. Въ великорусскомъ эпосѣ древнее воспоминаніе о тихомъ Дунаѣ удержалось. Особенно замѣчательно олицетвореніе Дуная въ образѣ героя того же имени; «я могу съ полнымъ правомъ утверждать, замѣчаетъ г. Ягичъ въ концѣ статьи, что Дунай пріобрѣлъ великое значеніе для славянъ до времени ихъ движенія на югъ и юго-западъ Европы, какъ та граница, которая долго удерживала ихъ отъ вторженія въ обѣтованную страну всѣхъ варварскихъ народовъ среднихъ вѣковъ, именно въ Римскую имперію. Съ этого ли ранняго времени Дунай занимаетъ господствующее мѣсто въ славянской народной поэзіи, трудно сказать съ полною увѣренностію... Если и на дальнемъ сѣверѣ у Онежскаго

¹⁾ Костомаровъ, Историч. Монографіи, т. XIII, стр. 20. ²⁾ Archiv für slavische Philologie, 1876 г. т. I.

озера поютъ про тихій Дрнай, и на югѣ у Охридскаго озера слышно это имя, то такое замѣчательное совпаденіе предполагаетъ очень древнія времена».

Подобнаго рода мнѣніе о времени проникновенія въ славянскую народную поэзію рѣки Дуная высказывали и другіе изслѣдователи русской старины, напримѣръ, Н. И. Костомаровъ. Въ отношеніи къ южно-русскому народу мнѣніе это нуждается въ значительномъ расширеніи. Выдающееся значеніе Дуная въ южно-русской народной поэзіи не можетъ быть объяснено исключительно или даже преимущественно древнѣйшимъ знакомствомъ славянъ съ этой великой рѣкой. Нужны были, въ добавокъ къ этому древнему знакомству, новыя, часто повторявшіяся связи съ Дунаемъ и придунайскими странами; такія связи были притомъ связи разнообразнаго свойства, болѣе всего военныя, затѣмъ мирныя, политическія, торговыя и промышленныя. Обстоятельное изложеніе историческихъ данныхъ о связяхъ Украины съ придунайскими странами вывело бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи, и такое изложеніе въ настоящее время представляется излишнимъ, по обилію и общеизвѣстности имѣющихся въ наукѣ по этой части данныхъ. Древнія лѣтописи, греческіе историки, козацкія лѣтописи и думы заключаютъ въ себѣ много указаній на оживленныя политическія и торговыя сношенія Руси-Украины съ Придунайскими странами въ домонгольское и послѣ монгольское время русской исторіи, сношенія, доходившія до того, что въ X вѣкѣ великій князь кievскій Святославъ хотѣлъ совсѣмъ поселиться на Дунаѣ, а въ XVIII ст. часть малорусскихъ козаковъ дѣйствительно выселилась на Дунай и основала здѣсь извѣстную Задунайскую Сѣчь. Насколько сильно внѣдрился Дунай въ малорусскую жизнь, видно изъ того, что онъ вошелъ въ пѣсни, въ поговорки, даже въ личныя и фамилныя прозванія и черезъ нихъ проникъ въ мѣстныя названія. Въ одномъ запорожскомъ документѣ половины прошлаго столѣтія упоминается Дунаевскій байракъ, въ которомъ давними временами сидѣлъ зимовникомъ козакъ Сидоръ Дунай¹⁾. По всей вѣроятности, это личное прозваніе возникло по причинѣ пребыванія козака Сидора, его отца или дѣда на Дунаѣ. Въ настоящее время въ купянскомъ уѣздѣ харьков. губ. проживаетъ одинъ крестьянинъ съ уличнымъ прозви-

¹⁾ Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, т. I, стр. 104.

щемъ Дунай, даннымъ ему на томъ основаніи, что онъ ходилъ къ Дунаю на заработки. Можно думать, что малорусскій, точнѣе, общеславянскій Дунай въ значеніи большой рѣки вообще коренится въ доисторической древности, а Дунай въ значеніи определенной рѣки вошелъ и окрѣпъ въ малорусской поэзіи въ историческое, отмѣченное лѣтописями время, болѣе всего въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ, во время частыхъ вторженій болѣе или менѣе многочисленныхъ козацкихъ отрядовъ въ Молдавію.

Г. Ягичъ указываетъ на слѣдующіе пѣсенные мотивы съ р. Дунаемъ:

Козакъ «на тихому Дунаю свого коня напуває». Конь не пьетъ воды, предзнаменуя такимъ образомъ козаку несчастье, или потому не пьетъ, что съ козакомъ случилось несчастье.

За Дунаемъ живетъ козакъ, косить здѣсь сѣно, привозить сюда свою милую. На Дунаѣ козака настигаетъ смерть.

На Дунаѣ дѣвушка имѣетъ свидѣніе съ своимъ возлюбленнымъ. Вообще «судьба малорусской дѣвушки связана съ Дунаемъ, начиная съ момента первой встрѣчи съ милымъ, до той минуты, когда она, испытавъ много горя, рѣшается броситься въ рѣку». Дѣвушка жалуется Дунаю на свою долю и ищетъ на берегахъ Дуная доли. Она пускаетъ на Дунай свои волосы или вѣнокъ изъ руты, посылаетъ къ роднымъ утку вѣстницей. Наконецъ, она ищетъ въ волнахъ Дуная успокоенія отъ любовной муки. Малорусской народной словесности свойственно, что несчастье въ любви приводитъ козаковъ (т. е. вообще мужчинъ) къ подобному же шагу и они бросаются въ Дунай.

Мать рѣшается довѣрить своихъ дѣтей Дунаю; мать проситъ рѣку, что-бы она не разбудила своимъ шумомъ дѣтей; и дѣти были воспитаны Дунаемъ.

Народная фантазія пользуется Дунаемъ, какъ арабесками, при возникновеніи и развитіи пѣсни, для придачи пѣснѣ мѣстнаго характера, для сравненія и опредѣленія красоты и смѣха дѣвушки, для метафорическаго выраженія того, что не можетъ случиться или что прошло безвозвратно.

Довольно часто встрѣчается излюбленный Дунай въ свадебныхъ обрядныхъ пѣсняхъ: невѣста тонетъ въ Дунаѣ; отецъ, мать,

братъ, сестра не могутъ ее спасти; спасаетъ ее милый, или невѣста бросаетъ свои волосы въ Дунай и посылаетъ ихъ къ отцу.

И. В. Ягичъ отзывается съ большими похвалами объ эстетическомъ достоинствѣ малорусской поэзіи вообще, пѣсень съ Дунаемъ въ частности. Обращаясь къ разсмотрѣнію малорусскихъ пѣсенныхъ мотивовъ съ р. Дунаемъ, г. Ягичъ говоритъ: «Я перехожу теперь къ самой задушевной и, если принять поэзію за исторію сердца, къ самой прекрасной и богатѣйшей славянской народной поэзіи, къ поэзіи малорусской». Затѣмъ г. Ягичъ указываетъ на то, что малорусская народная поэзія въ особенности богата поэтическими мотивами. Приводя отрывки изъ малорусскихъ пѣсень, г. Ягичъ много разъ отмѣчаетъ ихъ художественное достоинство выраженіями: прекрасная пѣсня, прелестная пѣсня¹⁾.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ статьѣ г. Ягича объ отраженіи Дуная въ славянской народной поэзіи пройдено молчаніемъ «Слово о полку Игоревѣ», — памятникъ въ особенности замѣчательный по тѣсной связи съ позднѣйшей малорусской поэзіей. Обстоятельное сравненіе поэтическихъ мотивовъ «Слова о полку Игоревѣ» съ поэтическими мотивами новой малорусской поэзіи можетъ разъяснить степень устойчивости поэтическихъ мотивовъ. Съ такою точки зрѣнія представляются любопытными упоминанія неизвѣстнаго автора «Слова» о Дунаѣ.

Въ «Словѣ» три раза упоминается Дунай и, повидимому, съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ рѣки великой, славной и отдаленной.

1) Копіа поють на Дунаи;

2) Ярославинъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ, рано кычетъ: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бибрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ....

3) Солнце свѣтитъ ся на небесѣ: Игорьъ князь въ роуской земли! Дѣвици поють на Дунаи: вьють ся голоси чрезъ море до Києва.

Профессоръ О. Огоновскій относитъ фразу «копіа поють на Дунаи» къ предложенію: «но розно ся имъ хоботы пашоутъ» и слѣдующую затѣмъ фразу «Ярославинъ гласъ» начинаетъ съ красивой строки и относитъ ее въ другую главу²⁾. Мы въ данномъ

¹⁾ У Чубинск., т. V, стр. 214, 411, 282, 556, 889, 921—922. ²⁾ Огоновскій, Слово о Полку Игоревѣ, стр. 18.

случаѣ придерживаемся общепринятой интерпункціи (у г. г. Тихонравова, Потебни, Малашева) и связываемъ «копіа поють на Дунаи» и «Ярославинь гласъ» и пр. «Параллелизмъ между пѣніемъ копій на Дунаѣ, въ идеальной дали, и плачемъ Ярославны, пѣсенный, традиціонный» ¹⁾. Въ обоихъ случаяхъ Дунай означаетъ великую и отдаленную рѣку.

Г. Огоновскій выраженіе Слова «дѣвицы поють на Дунаи» объясняетъ такъ: «дивчата спиваютъ не тильки въ Къиви, колы Игорь сюда прихавъ, але и далеко видъ Кіева. Въ писняхъ народныхъ названъ моремъ иногда и Дунай» (125). Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на «Сборникъ Укр. пѣсенъ» Максимовича, стр. 96. Добавимъ, что Дунай называется моремъ преимущественно въ припѣвахъ галицко-русскихъ пѣсенъ:

Плыла дѣвойка доловъ Дунаемъ,
Дунаю, гей, Дунаю, море, Гануся, зоре! ²⁾.
Плыла Фемуня краемъ Дунаемъ,
Дунаю, море, Фемуне, зоре! ³⁾.

По видимому, здѣсь не смѣшивается рѣка и море, а первая гипорбелически характеризуется сравненіемъ съ моремъ. Въ народной поэзіи обычны эпитеты Дуная тихій, широкій и глубокій; эпически широкій Дунай съ теченіемъ времени сдѣлался нарицательнымъ именемъ всякаго многоводія. Мнѣ приходилось слышать въ харьковской губерніи, при переѣздѣ черезъ большую лужу воды, возникшую отъ сильнаго разлива рѣки весной или отъ дождя: «Дунай стоитъ». Въ малорусской пѣснѣ:

Ой за горами вода дунаями,
Ой тамъ козаченько коня напуває ⁴⁾.

Конь выпиваетъ воды «пивъ Дунаю» ⁵⁾, даже «два Дуная» ⁶⁾.

Днѣпръ.

Здається крацого немає
Ничого въ Бога, якъ Днипро,

говорить Т. Г. Шевченко ⁷⁾. Красота Днѣпра выражается не въ бере-

¹⁾ Потебня, Слово о полку Игоревѣ, стр. 135. ²⁾ Гол., т. II, стр. 80. ³⁾ Тамъ-же, стр. 161. ⁴⁾ Чуб., т. V, стр. 760. ⁵⁾ Тамъ-же, стр. 959. ⁶⁾ Тамъ-же, стр. 43. ⁷⁾ Кобзарь, изд. 1883 г., стр. 353.

гахъ, большею частью однообразныхъ, песчаныхъ, а въ общемъ его обликъ, въ ширинѣ и многоводности. Масса воды не помѣщается въ днѣпровскомъ руслѣ, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе мелѣющимъ, и частью уклоняется въ сторону, образуя озера и заливы, мѣстами широко разливаются по низменнымъ песчанымъ берегамъ. Хорошъ Днѣпръ и въ бурную погоду, когда его каменистые «пороги межъ очередами ревутъ и стогнуть», и въ тихую погоду, когда «геть-геть соби роскинется, сіяе та горыть»¹⁾. На берегахъ Днѣпра были разыграны главные акты малорусской исторіи. Въ Черкасахъ и Каневѣ сложилось козачество. На Хортицѣ, Томаковкѣ, Микитиномъ Рогѣ и Чертомлыкѣ развилось и окрѣпло запорожское войско. Въ Приднѣпровьѣ южно-русскій народъ пролилъ потоки крови въ борьбѣ съ татарами и поляками за религіозную и національную самобытность. Было много основаній полюбить Днѣпръ и, повидимому, въ старинное время малороссіянинъ, въ особенности запорожець, дорожилъ Днѣпромъ въ высокой степени и, что въ особенности заслуживаетъ вниманія, отлично понималъ стратегическое и торговое значеніе Днѣпра. Говорятъ, запорожцы однажды разсердились на своихъ старшинъ и грозили оставить Сѣчь. Ни силой, ни увѣщаніями нельзя было ихъ остановить. Тогда кошевой Томиленко обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «И вы, паны молодци, оставите Сичъ? И вы, братья, покинете Днипръ? А чи-жь есть другій якій Днипръ? Да вы якъ рыба безъ воды не можете бути безъ Днипра. Де вы найдете нову таку славноу рику, щобъ вамъ такъ служила, щобъ васъ такъ кохала! Да вы знаете, хлопци, що нашъ старый Днипро прямой шляхъ и въ татарскій Крымъ, и въ Анатолію, и въ Румилію, и на самый Царьгородъ, котрый въ нечестивыхъ рукахъ. Нихто васъ не сміе и не може удержувать, да сами вы удержитесь и схаменитесь, товарищи мои прелюбезныи! Да куда жъ васъ нечистая несеть? Христось зъ вами!»—«Да и правда мы дурни», заговорили запорожцы. Не зминымо Днипрови—батькови». Одинъ голосъ, желая поддержать въ козакахъ прежнюю готовность оставить Сѣчь, закричалъ, что крымскій ханъ обѣщаетъ дать козакамъ льготы и вольности. «Та цуръ ему, собаки! гаспидъ зъ нимъ!»—былъ

¹⁾ Шевченко, Кобзарь, изд. 1883 г., стр. 68.

ему отвѣтъ. «А Турокъ даетъ цѣлые мѣшки золота!» добавилъ тотъ же голосъ.—«А стонадцать ему чортивъ зъ тобою, паршивою вивцею!» гаркнуло сто голосовъ,—«остаемся!» и остались ¹⁾.

Народно-поэтическое значеніе Днѣпра далеко не соотвѣтствуетъ его историческому значенію. Въ пѣсняхъ Днѣпръ упоминается рѣдко. Дѣло въ томъ, что въ народной поэзіи Днѣпръ подавленъ Дунаемъ, что съ особенной яркостью обнаруживается въ великорусскихъ былинахъ; на примѣръ въ былинѣ про Дуная Ивановича: «отъ Дунаюшки протекла Дунай рѣка ко городу ко Кіеву» ²⁾. Опираясь на эту былевую фразу, профессоръ Огоновскій предполагаетъ, что и въ выраженіи «Дѣвици поють на Дунаи: выють ся голоси черезъ море до Кыева» въ «Словѣ о полку Игоревѣ» подъ названіемъ Дуная скрывается Днѣпръ ³⁾. Впрочемъ, болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ «Слова», Дунай означаетъ идеальную даль. Замѣна Днѣпра Дунаемъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» представляется тѣмъ болѣе сомнительной, что здѣсь Днѣпръ два раза упоминается, при томъ съ присоединеніемъ похвалы и съ поэтической обрисовкой.

1) Ярославна рано плачетъ Поутивлю городу на заборолѣ аркучи: «о Днѣпре Словоутичю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозъ землю холовецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави посады до плъкоу Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладоу ко мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано!».

2) Одному князю Ростиславу затвори Днѣпръ темни берези.

Названіе Днѣпра Словоутою, говоритъ А. А. Потебня, и въ великорусскихъ былинахъ другихъ рѣкъ, на примѣръ, Волги, славными, предполагаетъ, что рѣки славились, что имъ пѣлась слава («быстрымъ рѣкамъ слава до моря», Кир. II, III, 106). Городамъ кликалась до поздняго времени слава въ окликахъ часовыхъ: «славень городъ N!» ⁴⁾. Можно думать, что въ до-монгольской Руси были особыя пѣсни о Днѣпрѣ. Пѣсни эти могли быть распѣваемы при княжескомъ дворѣ придворными поэтами, причемъ одновременно съ рѣкой Днѣпромъ славились князья, воевавшіе съ кочевниками на берегахъ Днѣпра. Изъ народныхъ пѣсенъ о Днѣпрѣ въ

¹⁾ *Наджинъ*, Память о Запорожьѣ, въ „Чтен. въ моск. общ. ист. и древ.“. 1886 г., т. II, стр. 125. ²⁾ *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. II, стр. 51. ³⁾ *Огоновскій*, Слово о полку Игор., стр. 125. ⁴⁾ *Потебня*, Слово о полку Игор., стр. 140.

«Слово о полку Игоревѣ» вошло нѣсколько мотивовъ, а именно названія Днѣпра «Славутичемъ» и «господиномъ».

Исходя изъ той мысли, что «народная пѣсня представляетъ богатый запасъ остатковъ вѣковаго эпоса, запасъ смѣшанный и разновременный, въ которомъ явленія древнѣйшія и позднѣйшія соединены вмѣстѣ въ одну пеструю группу»¹⁾, можно сдѣлать попытку отыскать въ новой малорусской поэзіи обломки древнихъ южно-русскихъ пѣсень о Днѣпрѣ.

Названіе Днѣпра Славутой встрѣчается въ думѣ про Самуила Кожку и въ думѣ про смерть Оедора Безриднаго. Въ первой думѣ козаки «къ Днѣпру Славути низенько укланяли»²⁾; во второй думѣ козаки «идуть Днѣпромъ-Славутою»³⁾.

Названіе Днѣпра «господиномъ» встрѣчается также въ малорусскихъ пѣсняхъ⁴⁾.

Темные берега Днѣпра, скрывшіе трупъ утонувшаго князя Ростислава, можетъ быть, являются въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» продуктомъ исключительно личнаго воспоминанія автора «Слова» объ извѣстныхъ ему лѣсистыхъ побережьяхъ Днѣпра, и въ такомъ случаѣ отличаются, какъ характеристика Днѣпра, столь же субъективнымъ характеромъ, какъ въ Кобзарѣ Т. Шевченка характеристика Днѣпра «крутоберегимъ» и «дужимъ» (стр. 207 и др.).

Днѣпръ встрѣчается въ думахъ и бытовыхъ пѣсняхъ. Согласно съ исторической и географической точностью народно-поэтическихъ мотивовъ думъ, Днѣпръ въ думахъ имѣетъ строго опредѣленное значеніе. По Днѣпру спускаются козацкія чайки; по берегу Днѣпра двигаются козацкіе отряды; жида раскинули вдоль Днѣпра свои «крамнички», съ такими чертами выступаетъ Днѣпръ въ думахъ про Самойла Кишку, Оедора Безроднаго и Богдана Хмельницкаго⁵⁾. Въ бытовыхъ пѣсняхъ Днѣпру дается болѣе широкая обрисовка и болѣе идеальная окраска. Въ превосходной пѣснѣ «Ой зацвила калинонька у темному лузи» дивчина спрашиваетъ уѣзжающаго козака: «ой, коли тебе, серденько, ждати»; козакъ отвѣчаетъ:

¹⁾ *Ждановъ*, Русская поэзія въ до-монг. эпоху, стр. 1. ²⁾ *Антоновичъ* и *Драгом.*, т. I, стр. 217. ³⁾ Тамъ-же, стр. 251. ⁴⁾ *Огоновек.*, стр. 116. ⁵⁾ *Антонов.* и *Драгом.*, Истор. пѣс. малор. нар., т. I, стр. 217, 253; т. II, стр. 17.

Тоди мене, моя мила, ждати-пидждати,
 Якъ стане по Днипру хмара похожати,
 Старый Днипръ дощемъ полоскати¹⁾.

Въ одной пѣснѣ дѣвушка груститъ по своему милому; она бросаетъ въ Днѣпръ кольцо въ надеждѣ, что днѣпровскія воды отнесутъ кольцо къ ея милому и такимъ образомъ напомнятъ ему объ ней. Мотивъ этотъ встрѣчается также съ Дунаемъ²⁾.

Въ другой пѣснѣ украинскій парубокъ сѣтуетъ на свою долю, что она блукаетъ гдѣ-то за Днѣпромъ. Этотъ пѣсенный мотивъ чаще встрѣчается съ Дунаемъ³⁾ и потому, можно думать, что Днѣпръ сюда попалъ случайно.

Въ «Трудахъ этн. экспед.» (т. V, стр. 1013) находится, между прочимъ, одна довольно любопытная пѣсня съ Днѣпромъ. Пѣсня новѣйшаго происхожденія, неправильнаго размѣра, представляетъ большую путаницу старыхъ и новыхъ пѣсенныхъ мотивовъ:

Було-жь насъ три брата
 Охъ! та вси не вкупи;
 Одинъ въ Самари атаманомъ;
 Другій въ Петербурси есауломъ,
 А я, молоденькій, на Вкраини
 Наповаю коня изъ быстрого Днипра,
 Называю Днипра риднымъ братомъ:
 Ой ты, Днипро—брате, скажи мени правду,
 Охъ сколько у тебе ричокъ упало?
 Ой упало у мене ричокъ сорокъ и чотыри;
 Одна ричка—копирочка,
 Та и та въ Днипро упала.....

Такъ какъ далѣе въ пѣснѣ говорится:

Называютъ мене бурлакою,
 Мого товарища розбишакою,
 Свого кониченька пропилякою,

то, можно думать, пѣсня сложена какимъ-нибудь бродяжкой гайдамакомъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Число 44—эпическое, встрѣчается въ отрывкѣ думы о разрушеніи бурей турецкаго корабля⁴⁾.

¹⁾ Чубинск., т. V, стр. 881. ²⁾ Тамъ-же, стр. 140, 1025. ³⁾ Тамъ-же, стр. 214, 234. ⁴⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 99.

Упоминаемый изрѣдка въ думахъ Лиманъ означаетъ днѣпровское гирло, что ясно видно изъ слѣдующаго мѣста думы о Самійлѣ Кишкѣ: козаки «на Лиманъ-рѣку испадали, къ Днипру-Славути низенько укланяли»¹⁾. Запѣвъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ «Ой Лимане, Лимане!», не имѣющей географической связи съ остальнымъ содержаніемъ думы, можно объяснить такимъ образомъ, что Лиманъ совершенно произвольно вставленъ въ пѣсню, исключительно для риемы съ слѣдующей затѣмъ строкой: «Ты Сирку Романе»..

Днѣстръ.

Въ малорусской народной поэзіи Днѣстръ встрѣчается рѣдко, причемъ смѣшивается съ Днѣпромъ. Такъ, одни варианты думы про Федора Безроднаго начинаются со словъ: «Надъ сагою Днипровою», другіе: «Надъ сагою Днистровою»²⁾. Въ думахъ про походъ Хмельницкаго на Молдавію вѣтеръ повѣваетъ то «изъ низу Днѣстра», то «изъ низу Днипра»³⁾. Галицко-русскія пѣсни, почти совсѣмъ не знающія Днѣпра, изрѣдка говорятъ о Днѣстрѣ, напримѣръ, въ пѣсняхъ на Меланку (новый годъ)⁴⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ поэзіи нѣтъ характеристики Днѣстра, и всѣ упоминанія о немъ совершенно безцвѣтны. Народно-пѣсенный Днѣстръ принадлежитъ еще польско-литовскому государству. Въ великорусскихъ былинахъ р. Дунай пошла изъ богатыря Дуная, а р. Настасія изъ его жены Настасіи. «Для меня говоритъ И. В. Ягичъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ Настасѣ рѣкѣ скрывается Днѣстръ. Что мужское имя Днѣстръ переменено въ женское, столь-же мало удивительно, какъ и то, что мужское Днѣпръ въ былинахъ обращено въ женское Днѣпра и далѣе Нѣпра»⁵⁾.

За Дунаемъ и отчасти Днѣпромъ и Днѣстромъ другія малорусскія рѣки не нашли мѣста въ народной поэзіи. Въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами упоминаются степныя рѣки: «Жида-рандари на славной Украины вси козацьки рики заорандовали:

Перва на Самари,
Друга на Саксагани,

¹⁾ Ант. и Драг., т. I, стр. 21. ²⁾ Тамъ-же, стр. 248. ³⁾ Ант. и Драг., т. II, стр. 100, 103. ⁴⁾ У Голов., т. IV, стр. 146. ⁵⁾ Archiv f. Slav. Philol. 1876 г., т. I, стр. 80.

Трейтя на Гнилій,
Четверта на Пробойній,
Пьята на ричци Кудесци ¹⁾

Одна ричка—Копрочка,
Друга ричка—Гнилобережка
А третя—Самарька ²⁾.

Въ думѣ о смерти Богдана Хмельницкаго упоминается Ташлыкь ³⁾; въ думахъ объ угнетеніи Украины жидами, о корсунской битвѣ и о Перебийносѣ упоминается р. Случь, какъ пограничная, отдѣляющая Украину отъ Польши, согласно съ Зборовскимъ договоромъ ⁴⁾. Есть пѣсня, начинающаяся словами: «Ой тамъ на Роси проявились чауси». Изрѣдка въ бытовыхъ пѣсняхъ упоминается *Донецъ*, по смыслу, какъ замѣна Дуная, въ означеніи идеальной дали ⁵⁾. Подобнаго рода замѣну р. Дуная Дономъ при обозначеніи идеальной дали находимъ въ великорусскихъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ хороводной изъ ярославской губерніи: «Коло Дону, коло Дону, коло тихаго Дунаю ходитъ молодець гуляеть ⁶⁾», и въ малорусскихъ пѣсняхъ, напримѣръ: «Ой по Дону, по Дону, по тихому Дунаю та плавало суденце» ⁷⁾

Какъ извѣстно, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» находится превосходная поэтическая характеристика Донца: «Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелѣявши князя на вльнахъ, стлавшу ему зельну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подь сѣнію зелену древу, стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми не вѣтрѣхъ». Можно думать, что авторъ «Слова», характеризуя Донецъ, руководствовался существовавшими въ его время въ народной поэзіи образами и эпитетами. Можетъ быть, передъ его мысленными очами носилась извѣстная пѣсня, прославляющая рѣку Дунай или Днѣпръ, въ родѣ малорусскихъ пѣсень, напечатанныхъ въ V т. «Трудовъ Этн. Ст. Экспед.» на стр. 889, стр. 922, и бѣлорусской, вѣроятно, выродившейся изъ малорусской въ Сборн. бѣлор. пѣс. П. В. Шейна, стр. 258. Въ ряду

¹⁾ Ант. и Драг., т. II, стр. 21. ²⁾ Тамъ-же, стр. 28. ³⁾ Тамъ-же, стр. 126.
⁴⁾ Тамъ-же, стр. 28, 29, 34, 47. ⁵⁾ Чубин., т. V, стр. 87. ⁶⁾ Труды Яросл. Губ. Стат. Комитета, т. I, стр. 50. ⁷⁾ Чубинск., т. V, стр. 952.

пѣсенъ этого мотива лучшей представляется у Чубинскаго (V, 922). Молодая вдова пустила въ тихій Дунай своихъ дѣтей и обратилась къ Дунаю съ просьбой:

Тихій Дунай, не гуди,
 Моихъ дитокъ не збуди,
 А ты, жовтый писочокъ,
 Годуй моихъ диточокъ;
 А ты, быстрая вода,
 Моихъ дитокъ доглядай;
 А ты, густый очереть,
 Вари дитямъ вечерять,
 А вы, дуги, не гудить,
 Моихъ дитокъ не збудить.

Русь—Украина.

П. А. Кулишъ высказалъ мнѣніе, что «Русь, Русская земля, русскій народъ первоначально принимались одинаково на всей равнинѣ, которая впоследствии является въ видѣ двухъ государствъ, Польскаго и Русскаго». Мнѣніе это можетъ быть принято въ приложеніи къ великоруссамъ и малоруссамъ, за исключеніемъ польскаго народа. Ограничиваясь общеизвѣстными фонетическими особенностями языковъ польскаго и русскаго, можно сказать, что уже въ X вѣкѣ между ними было значительное различіе. Русскій и тогда прежде всего значило отличный отъ ляхскаго, чепскаго, болгарскаго ¹⁾. Не касаясь вопроса о томъ, занесено ли названіе Русь съ Балтійскаго побережья, или изстари было туземнымъ, достаточно замѣтить, что уже въ XI столѣтіи названіе это распространилось на Волынь и Галицію, затѣмъ на всю южную Россію и наконецъ на Россію среднюю и сѣверную. Съ теченіемъ времени названіе это вполнѣ укрѣпилось за сѣверо-восточной Русью и было утеряно южной Русью, за исключеніемъ западной ея окраины, Галиціи. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ Русь встрѣчается въ тѣсномъ смыслѣ Галиціи и въ болѣе широкомъ смыслѣ всей Украины. Съ послѣднимъ значеніемъ, по видимому, является Русь въ одной галицкой пѣснѣ:

¹⁾ *Потембля*, Рецензія сборн. пѣс. Головацкаго, стр. 5

Налетѣли бѣли гуси
Зъ той далекой Руси ¹⁾.

Въ думѣ про Алексѣя Поповича находится выраженіе: «ставъ ихъ Господь на Русь вызволяты» ²⁾); причеиъ Русью обозначена Украина. Въ думахъ есть намеки, что извѣстное великорусское пѣвенное выраженіе «святая Русь», столь часто встрѣчающееся въ былинахъ, было въ старину свойственно и малорусской исторической поэзіи. Такъ, въ «Плачѣ невольника» поется:

Вызволь, Боже, бидного невольника
На святоруській берегъ,
На край веселый, межъ народъ хрещеный ³⁾.

«Въ XVII ст., говоритъ Н. И. Костомаровъ, явились названія: Украина, Малороссія, Гетманщина; названія эти невольно сдѣлались теперь архаизмами; ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы воего народа, а означало только мѣстныя и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе южноруссовъ остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ, потому что даже по своему сложному виду какъ-то неусвоительно для обыденной народной рѣчи... Изъ всѣхъ названій, какія были выдумываемы для нашего народа, чтобы отличить его отъ великорусскаго, болѣе всего какъ-то привилось названіе «хохла», не по своей этимологіи, а по привычкѣ, съ какою усвоили его великоруссы. Странно было бы думать о возможности принятія этого насмѣшливаго прозвища народа за серьезное названіе народа» ⁴⁾...

Обращаясь къ народной поэзіи, мы должны сказать, что украинская народная словесность, именно думы и пѣсни, совершенно не знаетъ южноруссовъ, малоруссовъ и хохловъ. Въ сказкахъ встрѣчается изрѣдка хохоль въ противоположеніи великоруссу; но такихъ сказокъ немного и онѣ относятся большею частью къ восточной Малороссіи, гдѣ слово «хохоль» вошло отчасти въ обыденную народную рѣчь. Историко-географическій терминъ Гетман-

¹⁾ Голов., т. I, стр. 313. ²⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 191. ³⁾ Тамъ-же, стр. 95. ⁴⁾ Костомаровъ, Историч. монографіи, т. I, стр. 61—62.

щина въ пѣсняхъ встрѣчается очень рѣдко и безъ фактической или поэтической обрисовки.

Народная поэзія знаетъ только Украину. Это названіе встрѣчается часто, встрѣчается въ историческихъ думяхъ, въ обрядныхъ пѣсняхъ и въ пѣсняхъ семейно-родственныхъ, иногда съ достаточнымъ количествомъ фактическихъ данныхъ и въ поэтической обрисовкѣ. Нужно при этомъ замѣтить, что Украина въ пѣсняхъ имѣетъ двойное значеніе. Въ однихъ случаяхъ подь этимъ названіемъ разумѣется родной край, близкій и дорогой сердцу народнаго пѣвца, въ другихъ случаяхъ—край далекій, чужбина, вызывающая въ душѣ народнаго поэта чувство грусти. Разберемъ подробнѣе оба значенія названія Украины, согласно съ данными народной словесности.

1) *Украина—родина.*

Тиха вода береженьки зносить—
Молодь козакъ своего пана просить:
Пусти мене звидси до дому на Вкраину,
Пише дивча листы, що мае дитину ¹⁾.

Диточки мои, горе мени зъ вами,
Що не можете заробляти сами!
Ой посажу я дитей у рядову торбину,
Та вынесу дитей на високу могилу,
Пуцу своихъ дитей на всю Украину ²⁾.

Признаніе Украины родиной вызываетъ проявленія любви къ ней и прославленія, напримѣръ:

Ой Украино мила, краю памятливый!
Тамъ я любивъ дивчину, тамъ я бувъ счастливый;
Живъ собі въ мистечку, кругъ своей родины ³⁾.

Ой е въ мене на Вкраини риднесенька мати ⁴⁾.

Добре було нашимъ батькамъ на Вкраини жити,
Доки не знали наши батьки панцины робити ⁵⁾.

¹⁾ Чуб., т. V, стр. 344. ²⁾ Тамъ-же, стр. 860. ³⁾ Тамъ-же, стр. 328. ⁴⁾ Тамъ-же, стр. 454. ⁵⁾ Чуб., т. V, стр. 1064; Голов., т. I, стр. 20.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Украина называется козацкой страной¹⁾. Она бываетъ несчастна²⁾ и потому «журится»³⁾. Неоднократно Украина называется славной⁴⁾. А. К. Толстой въ превосходномъ стихотвореніи «Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ» представилъ Украину страной богатой. Подобнаго рода обрисовка Украины не чужда народной поэзіи. Такъ въ одной галицко-русской пѣснѣ, повидимому, нѣсколько подкрашенной интеллигентнымъ человѣкомъ, находимъ такую характеристику Украины:

На Украинѣ всего много, и паши, и браги,
Лише шо тамъ ляхи стоятъ, козацкіи враги.
На Украинѣ всего много, меду и горѣлки,
Красны дѣвки, молодыци, а всѣ чернобривки.
На Украинѣ молодыци, то въ червонныхъ ходять,
Полотняныхъ не видають, бо ихъ сами роблять⁵⁾.

Доказательствомъ народности основнаго мотива этой пѣсни, прославленія Украины, можетъ служить небольшая старинная пѣсня въ Сборникѣ историч. пѣс. малор. нар. Антоновича и Драгоманова (II, 49): «Та немає лучше, та немає краще, якъ у насъ на Украини, та немає ляха, немає жида, нема и уніи».

2) *Украина—чужбина*. При опредѣленіи Украины чужбиной было принято во вниманіе этимологическое значеніе слова Украина.

Якъ поиду на Украину, не скоро буду⁶⁾.

Сама пиду у свить на Украину,
Та не будуть мене люде знати⁷⁾.

Дѣвчинонько мило, що будешь робила
Въ Украинѣ далекій⁸⁾.

Эй погнѣвался, та и погнѣвался
Мой милый на мене,

¹⁾ Антон. и Драг., т. II, стр. 24. ²⁾ Голов., т. I, стр. 15, 16. ³⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 274, 73; т. II, стр. 4. ⁴⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 6, 21. ⁵⁾ Голов., т. I, стр. 103. ⁶⁾ Чуб., т. V, стр. 221. ⁷⁾ Тамъ-же, стр. 347. ⁸⁾ Голов., т. I, стр. 126.

Осѣдлалъ коня вороненько,
 Поѣхалъ пречъ отъ мене....
 Послала бѣ я до него
 На Украину, на Украину ¹⁾.

Покинь отца, покинь маму и всю родину,
 Ходи зъ нами козаками на Украину ²⁾.

Якъ же ты буде за нелюба давати,
 Дай же ты мени на Вкраину знати....
 А я изберу сто кониченьки Литвы,
 Та и нароблю я твой матинци битвы ³⁾.

Нужно замѣтить, что Литвой въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ называются иногда поѣзжане жениха; они называются также татарами. Какими бы судьбами Литва ни попала въ пѣсню, очевидно, народный поэтъ имѣлъ темное представленіе объ Украинѣ.

Изъ представленія Украины страпою далекой, чужбиной выработалось отрицательное и враждебное къ ней отношеніе народнаго поэта, что обнаруживается, напримѣръ, въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

Не иди, суко, на Вкраину жити,
 На Вкраини усе чужи люде ⁴⁾.

Колибъ я крыла мала,
 Тобъ я тую превражу Вкраину
 Кругомъ облитала,
 Тобъ я своего миленького
 По волахъ пизнала ⁵⁾.

Послѣдняя пѣсня принадлежитъ къ числу чумацкихъ, и здѣсь Вкраина обозначаетъ Новороссію.

Въ старинныхъ пѣсняхъ, въ думахъ встѣчаются иногда описательныя выраженія Украины: «города христіанскіе», въ противо-

¹⁾ Голов., т. II, стр. 704. ²⁾ Гол., т. I, стр. 124. ³⁾ Тамъ-же, стр. 110.
⁴⁾ Чуб., т. V, стр. 455. ⁵⁾ Тамъ-же, стр. 1044.

положность земли турецкой, вѣрѣ бусурманской, «міръ крещеный», «міръ царскій», «тихія воды и ясныя зори»¹⁾).

Изъ украинскихъ городовъ въ народныхъ пѣсняхъ изрѣдка упоминаются Кіевъ, Львовъ, Коломыя, Каменецъ-Подольскій, Черкасы, Богуславъ, Черниговъ, Немировъ; только объ одной Коломыи въ галицко-русскихъ пѣсняхъ говорится съ нѣкоторыми фактическими подробностями. Въ коломыйкахъ неоднократно прославляется Коломыя, какъ мѣстность красивая, городъ славный, съ красивымъ и довольнымъ населеніемъ; всѣ же остальные города и даже Кіевъ упоминаются въ пѣсняхъ мимоходомъ, безъ поэтической обрисовки.

Пѣсни, преимущественно старинныя, помнятъ еще про «славное Запорожье» и разныя запорожскія мѣстности, про Муравскій шляхъ и Савуръ могилу, про Базавлукъ, Самарскія поля и Черный лѣсъ, про «Сичову Покровъ» (церковь), Межигорскаго Спаса и Терехтемировскій монастырь. Фактическая и поэтическая характеристика запорожскихъ урочищъ незначительна и безцвѣтна.

Польша.

Въ старинныхъ пѣсняхъ упоминается «земля польска», Польша, земля королевская, ляцкій край. Относясь враждебно къ полякамъ, какъ этнографической и политической единицѣ, малорусская пѣсня къ Польшѣ относится довольно индифферентно. Последнее обстоятельство объясняется существованіемъ въ народной поэзіи архаической точки зрѣнія на территориальную Польшу, какъ на государство, заключающее въ себѣ Украину, напримѣръ, въ пѣснѣ о тещѣ въ плѣну²⁾. Впрочемъ, чаще встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ полное отдѣленіе Украины отъ Польши, напримѣръ: «не попустимо ляхви изъ Польщи»³⁾, или:

Ой не чорна хмара надъ Польщею стала,
То жъ то не одна ляшка удовою стала⁴⁾.

Въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами говорится, что «въ земли королевскій добра не було»⁵⁾.

¹⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 90, 91. ²⁾ Тамъ-же, стр. 290. ³⁾ Антонов. и Драг., т. II, стр. 41. ⁴⁾ Тамъ-же, стр. 37. ⁵⁾ Тамъ-же стр. 20.

Изъ польскихъ городовъ въ малорусскихъ пѣсняхъ изрѣдка упоминаются Варшава и Краковъ.

Слово Польша въ украинской словесности иногда вовсе не относится къ бывшему польскому государству и имѣетъ совершенно особое географическое значеніе. Такъ, оно употребляется въ приложеніи къ низменной части Галиціи въ отличіе отъ гористаго Покутья или Коломыйскаго округа. Угорскій верховинецъ называетъ Польшей низменную страну надъ р. Тисой, представляющую собою сплошныя поля¹⁾. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ встрѣчаются выраженія: «ой нема въ Польшѣ добра, та вѣдай, и не будетъ», или, «не маемо цесарику, що въ Польшѣ сидѣти». Варіанты: «ой нема добра въ горахъ»; «ой не маемо, цесарику, що на Руси сидѣти» указываютъ на весьма ограниченный въ данномъ случаѣ объемъ Польши. Рѣчь очевидно идетъ о галицко-русскихъ ополянкахъ, или жителяхъ тарнопольскаго и чортковскаго округовъ.

Туреччина.

Въ чешской грамматикѣ Благослова 1571 г. приведена малорусская пѣсня, и въ ней находимъ сопоставленіе малорусскихъ сосѣдей:

На верси Дунаю три рогы ту стоя,
Перша рота Турецка,
Друга рота Татарска,
Третья рота Волоска²⁾

Подобнаго рода сопоставленіе сосѣднихъ съ Украиной странъ находимъ въ думѣ о покупкѣ братомъ сестры плѣнницы:

Три братчики та риднесеньки,
Одинъ пишовъ на Волощину,
Другій пишовъ на Вгорщину,
Третій пишовъ на Туреччину³⁾.

и въ колядкахъ, напримѣръ:

¹⁾ Головацкий, О костюмахъ, стр. 81. ²⁾ *Потешня*, Малор. нар. пѣсня по списку XVI в., стр. 2. ³⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 276.

Ты, коню сивый, будь ми счастливый,
 На три дорожи та у три земли,
 Одна дорога та въ Волоськую,
 Другая дорога та въ Нѣмецкую,
 Третья дорога та въ Турецкую ¹⁾.

Главная особенность Туреччины—бусурманство ея жителей это «Невір земля», «вира погана—земля проклята» ²⁾. Здѣсь война и слезы:

Турецкая земледонька,
 Шабельками пощобана,
 Слизоньками пидмочена ³⁾.

При всемъ томъ, турецкія страны богаты золотомъ и конями.

Ты, земле Турецкая, виро бусурманская,
 Ты есь наполнена серебромъ, златомъ,
 И дорогими напитками ⁴⁾

Изъ Турціи выводятъ коней ⁵⁾. Въ галицко-русской свадебной пѣснѣ дается жениху соѣтъ съѣздить къ тургамъ на ярмарку и купить тестю въ даръ вороного коня съ золотымъ сѣдломъ ⁶⁾.

Изъ турецкихъ городовъ чаще всего въ пѣсняхъ упоминается Царыградъ, Царивъ-городъ. Русскіе молодцы дѣлаютъ на него нападенія и заставляють горожанъ платить выкупъ. Кіевскій богатырь Михайликъ удаляется въ Царыградъ и переноситъ сюда изъ Кіева Золотыя ворота. Въ думахъ неоднократно упоминаются константинопольскіе базары. Положеніе Цареграда опредѣляется довольно точно: «доливъ Дунаемъ пидъ Царигородъ». Частое упоминаніе о Цареградѣ указываетъ на довольно близкое съ нимъ знакомство малорусскаго народа по рассказамъ бывалыхъ людей, плѣнниковъ и богомольцевъ. Кромѣ Цареграда въ думахъ изрѣдка упоминаются Варна, Трапезунтъ, Азовъ, Тягинь, Килія, Хотинь, Козловъ, Гендерь.

Крымъ упоминается въ чумацкихъ пѣсняхъ, обыкновенно въ фраззахъ «иты въ Крымъ по силь» и «до Крыму дороженька далекая» ⁷⁾.

¹⁾ Голов., т. I, стр. 61. ²⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 212. ³⁾ Голов., т. I, стр. 101. ⁴⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 94. ⁵⁾ Антон., т. I, стр. 6; Голов., т. II, стр. 61. ⁶⁾ Голов., т. IV, стр. 224. ⁷⁾ Чуб., т. V, стр. 112, 198, 457, 1043, 1053 и др.

Волощина.

Румынія изображается страной ровной:

Вандруй, вандруй, дѣвчинонко въ Волощину зъ нами!
Бо у Волощинѣ все поле ривненьке... ¹⁾

Къ румынамъ галицко-русская пѣсня относится сочувственно, какъ къ добрымъ людямъ:

Бувай здоровъ, Ляцькій краю!
Вжежъ я тебе покидаю.
Ой пиду я въ Волощину,
И тамъ же я не загину:
Въ Волощинѣ добри люде,
И тамъ мени гараздъ буде ²⁾.

«Въ судьбахъ Угорской и Буковинской Руси, говоритъ А. А. Потєбня, важную роль играютъ ея почти постоянно дружественныя связи съ румынами... Связи Руси съ румынами сказываются во многомъ: въ употребленіи церковно-славянскаго языка въ богослуженіи въ Молдавіи и Валахіи до половины XVII в., въ непрерывныхъ сношеніяхъ галицкой церковной ієрархіи съ молдавскою до окончательнаго введенія уніи въ Галичинѣ въ XVII в., въ употребленіи русскаго языка въ гражданскихъ актахъ въ Молдавіи; въ многочисленныхъ семейныхъ связяхъ русскихъ пановъ и молдавскихъ господарей, въ обоюдныхъ этнографическихъ вліяніяхъ» ³⁾.

Въ одной галицко-русской любовной пѣснѣ находится указаніе на расположеніе волоховъ къ колдовству, къ ворожбѣ:

Волошине, Волошине,
Навчи мене ворожити ⁴⁾...

Въ объясненіе этого выраженія нужно сказать, что въ средней и восточной Малороссіи, вдали отъ румынъ, слово волохъ перешло на цыганъ. Въ одной пѣснѣ находимъ выраженіе: «цыганочка-волошечка». Пѣсня съ вышеприведенной фразой, хотя записана въ Галиціи, не заключаетъ въ себѣ ничего специально га-

¹⁾ Голов., т. I, стр. 326. ²⁾ Тамъ-же, стр. 240. ³⁾ Потєбня, Рецензія сбор. пѣс. Голов., стр. 8. ⁴⁾ Голов., т. III, стр. 364.

лицкаго, и по складу, по языку представляется малорусскою пѣсней. Вѣроятно она возникла первоначально въ Малороссіи и потомъ проникла въ Галицію.

Въ одной колядкѣ находится указаніе, что малороссіяне приобрѣтали воловъ въ Молдавіи, «съ Волощины иде—волики веде» ¹⁾. Это указаніе подтверждается лексическими данными малорусскаго языка. Многія малорусскія слова, относящіяся къ скотоводству, заимствованы изъ румынскаго языка.

Угорщина.

Согласно съ географическимъ положеніемъ Венгріи, въ малорусской народной пѣзвѣ Венгрія—страна далекая. Въ галицко-русской колядкѣ чудесный пастухъ овецъ, личность мифическая, трубить въ костяную трубу, и звукъ «чути було а въ Угорщину» ²⁾. Какъ жители далекой малоизвѣстной страны, притомъ неоднократно вторгавшіеся въ галицко-русскую землю, венгры «зрадливіи люде» ³⁾. Этотъ отгѣнокъ враждебнаго отношенія малорусскаго народа, точнѣе, его галицкой вѣтви, къ венграмъ, съ отчетливостью обнаруживается въ галицко-русской свадебной пѣснѣ:

Поѣхавъ староста
 Въ угорскую землю,
 Угриночку влюбити.
 Угриночку си влюбивъ,
 Господь му не присудивъ.
 Бо въ угорской землѣ
 Куроньки не поють,
 И свѣтъ не свитае,
 И соненько не сходить,
 И дрибенъ дощъ не иде,
 И травонька не росте,
 И коникъ ся не пасе ⁴⁾.

Отрицательныя стороны угорской земли здѣсь преувеличены по противоположности къ непоименованной Руси, гдѣ по мысли

¹⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 6. ²⁾ Гол., т. IV, стр. 53. ³⁾ Антонов. и Драг., т. I, стр. 78. ⁴⁾ Голов., т. IV, стр. 224.

поэта, и солнце свѣтитъ, и дождь идетъ, и трава растетъ и, главное, есть хорошія дѣвушки—невѣсты.

Остановиваясь въ настоящемъ изслѣдованіи только на тѣхъ мѣстныхъ названіяхъ украинской народной словесности, которыя извѣстны были всему народу и получили фактическую обрисовку, я оставилъ въ сторонѣ нѣсколько мѣстныхъ названій, или потому, что они встрѣчаются только въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, или по причинѣ отсутствія фактическихъ данныхъ касательно ихъ поэтической обрисовки. Такъ, я оставилъ въ сторонѣ Карпатскія горы, встрѣчающіяся исключительно въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, или подъ названіемъ Бескида, или чаще подъ общимъ названіемъ горы, не говорилъ ничего про названіе Московщина, какъ названіе рѣдкое, указывающее только на далекую отъ мѣста сложенія пѣсни Великороссію, ничего не замѣтилъ, наконецъ, о Германіи, въ силу совершенно неопредѣленнаго выраженія одной пѣсни, что «Нимеччина не Ляшина и не земля Волоска»¹⁾. Очевидно, что малороссіяне знаютъ нѣмецкую землю, какъ отдѣльную, независимую страну и, какъ видно изъ одной пѣсни, страну богатую, потому что «зъ Нимещины иде, грошики несе»²⁾.

Изъ разсмотрѣнія мѣстныхъ названій въ украинской народной поэзіи видно, что выступающая въ поэзіи Украина представляется Украиной архаичной, X—XVII ст. Эта старинная Русь-Украина, по даннымъ народной поэзіи, стоитъ въ ближайшей географической связи съ Балканскимъ полуостровомъ. Черное море, Дунай, Волощина, Туреччина и Цареградъ въ особенности привлекали вниманіе южно-русскаго народа въ старинное время и въ народной поэзіи заслонили собой всѣ другія сопредѣльныя съ Украиной страны.

Н. Ө. Сумцовъ.

¹⁾ Голов., т. II, стр. 341. ²⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 6.

[60u]

[000]

